

ская интеллигенція не любитъ даже слышать о какой либо серьезной борьбѣ съ собою, съ собственнымъ эгоизмомъ, такъ-что въ этомъ отношеніи основной взглядъ Толстого заключаетъ въ себѣ весьма много симпатичнаго, и если наши современники надъ нимъ не рѣшаются смѣяться, то и читать его не любятъ именно вслѣдствіе глубокаго пониженія своихъ нравственныхъ интересовъ.

Эта же черта его міровоззрѣнія въ значительной степени приближаетъ къ идеаламъ русскаго народа и даетъ основаніе для той особенной любви, какую Толстой имѣлъ къ простому народу, котораго ставилъ гораздо выше интеллигентнаго общества. Конечно, нашъ писатель превозносилъ его не за то, что онъ не имѣетъ образованія, а за то, что нравственные принципы простымъ народомъ понимаются и сохраняются чище и совершеннѣе. Науку о добродѣтеляхъ, практически вѣдомую народу, Толстой считаетъ наиболѣе цѣнною изъ всѣхъ знаній. Нашъ писатель является противникомъ школь, школьнаго образованія, но онъ собственно противъ тѣхъ знаній, какія теперь преподаются въ школахъ и гимназіяхъ и противъ школьной организаціи. Науки же, занимающейся изученіемъ нравственной области, онъ не отвергаетъ.

Сохраненіемъ нравственной чистоты жизни простой народъ, по взгляду Л. Н., обязанъ 1) религіи, 2) земледѣльческому быту и 3) бѣдности. Въ этомъ отношеніи сказка его „Иванъ—дуракъ“ исчерпываетъ всѣ его философскія размышленія на эту тему. Подобное предпочтеніе простого народа предъ интеллигенціей проводится Толстымъ и въ комедіи „Плоды просвѣщенія“, гдѣ прямо устанавливается тотъ выводъ, что мужикъ и лучше и умнѣ такъ называемыхъ образованныхъ господъ, надъ которыми авторъ жестоко издѣвается.—Любовь къ простому русскому народу дѣлаетъ Льва Николаевича въ нѣкоторомъ отношеніи болѣе національнымъ, чѣмъ націоналистовъ-консерваторовъ, которые все же не могутъ отрѣшиться отъ нѣкотораго преувеличеннаго мнѣнія о достоинствѣ интеллигенціи и смотрятъ на простой народъ лишь какъ на почву, на которой можетъ процвѣтать пышный цвѣтъ интеллигентныхъ классовъ общества.

Признавая земледѣліе и бѣдность главными условіями общественной нравственности, Толстой въ свою личную жизнь